

**Про козу, волка и капусту
или
что же, все-таки, может общество?**

(материал подготовлен по результатам международной конференции «Перспективы борьбы с коррупцией в пост-социалистических странах», организованной Центром независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге 15-16 января 2004 года)

Для меня как социолога очевидно, что любой разговор о коррупции следует начинать с утверждения о том, что никому доподлинно не известно - что это такое. Мнения по этому вопросу сильно расходятся: у международных экспертов из World Bank, российских чиновников, с зарплатой в триста долларов и уголовной ответственностью до десяти лет «с конфискацией», и представителей российского малого бизнеса, вынужденных работать в условиях ведомственных инструкций, датированных 1930-ми годами. Скажем, если сопоставить эти точки зрения, то выйдет приблизительно следующее: международные эксперты считают коррупцией практически все, что делают российские чиновники с восьми утра до шести вечера пять дней в неделю, и без чего – если чиновники вдруг перестанут это делать – бизнес в России сегодня просто не может и не будет существовать. Но вообще-то, точек зрения на этот вопрос гораздо больше.

Принято считать, что единственное положение, относительно которого все единодушны, это положение о безусловном вреде, который «коррупция приносит обществу». Между тем, как показала прошедшая в Санкт-Петербурге конференция «Перспективы борьбы с коррупцией в пост-социалистических странах», и по этому вопросу нет единого мнения. Опыт исследования коррупции делились с коллегами ученые из России, Венгрии, Болгарии и США. Один из участников конференции, антрополог из Латвии Клавс Седленикс предложил очень интересную метафору.

Представьте себе колесо ... совершенно квадратной формы. Те, кто имеет власть «называть вещи своими именами» (социологи сказали бы «легитимное право на номинацию социальной реальности») ответственно заявляют о том, что это «колесо». Это в частности означает, что данный предмет имеет функцию колеса и, в соответствии с уже подписанными распоряжениями, отданными указаниями и инвестированными средствами, должен быть введен в эксплуатацию в любых механизмах, подразумевающих наличие такой детали как колесо. Не позднее... xxxx года. Если конечно те, кого это касается, не хотят лишиться.., ну скажем, перспектив реструктуризации долга, или новых инвестиций в экономику их забытой богом страны. Что происходит дальше? Новый удивительный механизм вводится в эксплуатацию (попробовали бы его не ввести...), но, как мы прекрасно понимаем, функции колеса выполняет с трудом, т.е., просто-напросто – не крутится. Поскольку экономические законы и социальные закономерности - вещь относительно независимая от указаний даже самых высокопоставленных и богатых представителей рода человеческого, практика применения квадратного колеса начинает все больше отличаться от теории. Попросту говоря, в теории оно прекрасно крутится само по себе, а в теории люди «на местах» начинают подкладывать под углы то да се, травку, да бревнышко. Потому что иначе ничего крутиться не будет, даже, несмотря на указания свыше и угрозы извне, со стороны «более прогрессивных и цивилизованных стран». В результате, через некоторое время квадратное колесо опутывается плотным слоем разнообразных практик, уловок, ухищрений и приспособлений, сглаживающих его углы и позволяющих ему крутиться. Гениальные конструкторы недоумевают: почему колесо потеряло форму!? И недолго думая, именуют все, что позволяет сгладить его углы «коррупцией» (подходят также термины вроде «теневая экономика», «неформальные отношения», «криминал»), и начинают финансировать активную борьбу с любыми искажениями в претворении гениальной идеи на местах.

Поучительная сказка с грустным концом. Конец покажется еще грустнее, если представить себе, что речь в ней идет о «законах и принципах нормального функционирования экономики и бюрократии», сформулированных в контексте истории развития «западных» обществ и активно навязываемых преуспевающими представителями этих обществ во всех уголках света – не взирая

на иной исторический, культурный, социальный и экономический контекст. «Если, конечно, те не хотят лишиться перспектив...», - ну и так далее.

Опыт и перспективы постановки этой пьесы на сценической площадке «одной отдельно взятой страны», с учетом опыта подобных постановок на других Восточно-Европейских площадках, обсуждались 15 и 16 января в Петербурге на упомянутой конференции.

В рамках двухдневной конференции прошел и круглый стол под названием «Гражданское общество и проблемы коррупции в России». Дискуссия, развернувшаяся на круглом столе носила научно-практический характер. Социологи, антропологи, экономисты, историки и представители НКО отбросили профессиональный цинизм и с жаром обсуждали, что же такое коррупция в российском контексте, надо ли с ней бороться и что в этой связи «может общество». Автор взял на себя смелость представить читателю ход этой дискуссии в собственной интерпретации¹.

Мне хотелось бы начать с вопроса о том, почему все анти-коррупционные меры, о которых так долго говорили... российские власти, не эффективны? Социологи из фонда INDEM подсчитали, что объем денег, затрачиваемых россиянами на взятки, составляет порядка 34 миллиардов долларов в год. Я не знаю, считал ли кто-то объем средств, потраченных российскими государственными учреждениями в купе с деньгами зарубежных доноров на благое дело борьбы с коррупцией, но мне представляется, что эти суммы должны быть не менее впечатляющими. В 2002 году социолог Алена Леденева исследовала этот вопрос и опубликовала данные, в которых централизованная помощь, выделенная правительствам ряда стран СНГ от зарубежных банков оценивается в сотни миллионов долларов. Каждому. А воз и ныне там... Впрочем, согласно другим источникам, «воз» даже слегка отъехал назад за последний год: по данным международной организации Transparency International в мировом рейтинге по индексу «СРІ» (индекс восприятия коррупции) Россия опустилась с 71 места, которое она занимала в 2002 году на 86 место в 2003 году. Один из очевидных ответов на вопрос о том, почему ситуация с коррупцией в России нисколько не улучшается состоит в том, что те, на кого возлагаются основные надежды в благородном деле борьбы с коррупцией как раз заинтересованы в существовании коррупции. Речь идет, конечно, о чиновниках, потому что кто же как не они должен принимать, подписывать и приводить в действие законы, которые бы коррупции препятствовали. С другой стороны, коррупция ведь и представляет собой злоупотребления чиновников, бессовестно извлекающих пользу из своей позиции «слуг народа». Так что же, они станут рубить сук, на котором сидят? Аргумент не просто веский, а обескураживающий. После него опускаются руки и опять становится понятно, что «ничего в этой стране не изменится...» и дальше – по тексту. Однако, сдаваться не хочется. Во-первых, потому что опыт подсказывает – все-таки, очень многое в этой стране меняется, другим до нее в этом смысле очень далеко. Во-вторых, «у них» же тоже была колоссальная коррупция, но они смогли ситуацию изменить! Что же мы – хуже них? Поэтому, начинаешь задумываться внимательнее, и тогда безысходность слегка рассеивается.

Прежде всего, пресловутые «объективные показатели», вроде индекса TI, не такие уж объективные, как принято считать. Упомянутый индекс - не показатель «объективного уровня» коррупции в стране. Он демонстрирует «восприятие» ситуации с коррупцией гражданами и экспертами. То есть мы до некоторой степени имеем дело с «самосовершающимся пророчеством», или «замкнутым кругом». Показатели уровня коррупции у нас высокие – это знает

---

¹ Имена и географические названия в тексте – местами абсолютно вымышленные, а любые совпадения – как правило, совершенно случайны. За редким исключением, ни одна из приведенных в тексте мыслей не является интеллектуальной собственностью автора текста, но все они могут считаться результатом коллективного обсуждения на круглом столе. Автор приносит отдельную благодарность Владимиру Римскому (ИНДЕМ, Москва), Клавсу Седленку (Университет Латвии, Рига, Латвия), Леониду Полищуку (IRIS, США), Юрию Вдовину (Гражданский контроль, Санкт-Петербург), А. Слободскому, Андрею Заостровцеву (Леонтиевский центр), Михаилу Горному («Стратегия»), (которому я в частности обязан формулировкой, использованной в названии данного текста), Леониду Романкову и другим участникам круглого стола, чьи размышления и высказывания послужили материалом для статьи. Все они внесли вклад в этот текст, но никто из них не должен нести за него ответственности (если не хочет).

каждый, и скажет каждый, если его об этом умные люди на улице спросят. А почему он в этом уверен? Потому что слышал – Россия по уровню коррупции на восемьдесят каком-то месте в мировом рейтинге, хуже, мол, только в Буркина Фасо, и то не факт... Вот такое у каждого гражданина в этой стране «восприятие коррупции», и своим восприятием он охотно делится. А его оценка потом становится основой самого рейтинга, на который он же сам и ссылается... Кажется, они что-то перемудрили...

Второе возражение серьезнее (по крайней мере - по возможным последствиям). Есть в этой стране один гражданин, мнение которого, даже если оно не было учтено в результатах опроса ПИ, не может не волновать (в смысле – *должно* волновать) остальных жителей России. Это президент. Он, вероятно, разделяет негодование своих сограждан и прочих экспертов. Поэтому учредил в начале 2004 года Комиссию по борьбе с коррупцией. Некоторые обозреватели ехидно полагают, что учреждение Комиссии – часть предвыборной кампании президента. Пусть даже так, но, как показывают многочисленные социологические исследования, подавляющее большинство россиян уверены, что в этой стране не ворует, не берет взятки и вообще никак не участвует в коррупции – один человек... правильно, это президент. Кому же, как не ему и бороться с коррупцией!? Итак, самый главный в стране чиновник недвусмысленно и в свойственной ему жесткой манере (кто смотрел телевизионную трансляцию заседания Совета – не даст соврать) продемонстрировал свое непреклонное намерение бороться с коррупцией. Демонстрация была очень убедительная, что там с намерениями – проживем, увидим. Впрочем, некоторые эксперты полагают, что президент фактически уже победил коррупцию. Давайте определимся, что мы понимаем под коррупцией и посмотрим на ситуацию в нашей стране. О какой коррупции вы говорите? Это же не наш масштаб! В стране существует две экономики, одна – легальная, другая – параллельная ей, неофициальная. «Вторая экономика» включает, в том числе то, что многие именуют коррупцией, но в действительности – это параллельная система налогообложения. Это не коррупция, это нечто принципиально иное. И вторая система работает подчас эффективнее первой. Например, не может правительство за счет официальных поступлений в государственный, городской и областной бюджеты отреставрировать Константиновский дворец к 300-летию Петербурга. Ну, не может и все тут. Тогда на помощь приходит параллельная система налогообложения. И вот уже Константиновский дворец сияет неземной красотой. В тех странах, которые у нас принято называть «цивилизованными», для этой цели создали бы благотворительный фонд, сделали бы его средства прозрачными для граждан России и жителей Петербурга и области в частности, а на входе во вновь отреставрированный дворец повесили бы мемориальную табличку с именем главного мецената. А у нас в этом необходимости нет – у нас параллельная система налогообложения, где все происходит не так красочно и помпезно, а в «рабочем порядке», рутинно и цинично; так, что никто (или почти никто) так и не узнает достоверно имени героя, внесшего неоценимый вклад в возрождение культурного наследия северной столицы и ее пригородов. Но у кого поднимется язык назвать этого почти безымянного героя, а тем более тех, кто «предложил» ему сделать этот «неоценимый вклад» – «участниками коррупционной сделки»? Давайте будем называть вещи своими именами! Это – параллельное налогообложение. Его специфика в том, что от него нельзя отказаться. И если мы заявляем о том, что мы хотим бороться с *этим* явлением, то это уже совсем другое дело, но коррупция тут не причем. Так рассуждают некоторые вполне здравомыслящие экономисты. Не вижу причин к ним не прислушиваться. Однако, с точки зрения искоренения коррупции эта ситуация в некоторых вселяет надежду и, как им кажется, обоснованный оптимизм. А для тех, в кого не вселяет, приведем еще несколько аргументов.

Президентом люди доброй воли в России не исчерпываются. В конце концов, у президента свои глобальные задачи, и где уж нам в них разобраться... Лучше попробуем задуматься о том, кому коррупция выгодна и кому нет. Ну, чиновникам - выгодна, это очевидно. За исключением, как мы выяснили, президента, у которого самый высокий рейтинг «индекса восприятия коррупции» в стране и безупречные алиби: «зачем ему воровать или брать взятки!? У него же и

так все есть!». У других чиновников есть не все. Или им так кажется. Но их тоже можно понять, учитывая, что зарплата у них пять – десять – пятнадцать тысяч рублей в месяц, а ответственность – уголовная (хотя, например, того же президента это не останавливает! А зарплата у него - не на много выше...). Ну, ладно, а что другие? Например, бизнес? Оставим олигархов в покое, им и так сейчас несладко живется. Нам ближе и понятнее то, что принято называть «малым и средним бизнесом» (МСБ) – ларьки, магазинчики, кафе, бары, кофейни... Им коррупция выгодна? На этот счет существуют разные мнения. Даже у экономистов. Одни утверждают, что следует выделять два типа коррупции. Первый вариант: коррупции иницируется чиновниками, и бизнесмены полагают (вероятно, вполне обоснованно) что это плохо для бизнеса. Второй вариант: коррупция иницируется бизнесменами для решения их проблем или для получения конкурентного преимущества (самые яркие примеры: уход от налогов или «серая», а еще лучше – «черная» «растаможка» – и то и другое позволяет сократить издержки и сделать цены на товар более конкурентоспособными). Эта ситуация воспринимается бизнесом как удобная. Возникает вопрос: заинтересован ли бизнес в коррупции? Ответ первый: да заинтересован, просто потому что любой переход к иной системе повлечет издержки. Стабильность для бизнеса чрезвычайно важна. С этой точки зрения бизнес не заинтересован в изменении ситуации, в частности – в переходе от коррупционных отношений к официальным, легальным. Есть и ряд других причин, среди них, например, уже названная выше – возможность для бизнесмена получить конкурентное преимущество, коррумпировав чиновника(ов). С другой стороны, для экономистов не менее очевидно, что конкурентная борьба в ситуации отсутствия коррупции все равно выгоднее для бизнеса, нежели конкурентная среда в условиях коррумпированности чиновников: в первом случае можно вообще обходиться без взяток и тем самым экономить издержки. Таким образом, можно утверждать, что в стратегической перспективе бизнесменам выгодно отсутствие коррупции в обществе.

Но позвольте: разве все общество состоит только из чиновников и бизнесменов!? Такая точка зрения тоже существует, и кто-то предлагает рассматривать всех граждан как предпринимателей, потому что все мы в той или иной степени вовлечены в предпринимательскую активность, или, другими словами, деятельность любого из нас можно рассматривать в качестве не просто экономической, но и предпринимательской. На мой взгляд, это очень однобокая и потому ущербная перспектива, редуцирующая человеческую активность до сугубо экономической. Возможно, с этой точки зрения мы все заинтересованы в коррупции, по крайней мере, в той разновидности коррупционных отношений, которые мы сами иницируем. Впрочем, как уже говорилось, даже с сугубо экономической точки зрения, предпринимателям также не выгодна коррупция. Я, однако, полагаю, что современное общество содержит еще массу составляющих, помимо «властной» и «экономической». Общество состоит из огромного количества социальных групп и сред, со своими интересами, и потому не может быть сведено к интересам «чиновников» и «бизнесменов».

Это означает, что в обществе есть силы, которые, выражаясь языком экономистов, ничего не выигрывают от коррупции, или, как минимум, слишком много проигрывают, чтобы быть заинтересованными в ее существовании в нынешних масштабах. Помимо чиновников и бизнесменов существуют общество, т.е. просто люди, государственный бюджет, экономика страны и т.д. - которые однозначно проигрывают от распространения коррупции. Так что утверждения о том, что с коррупцией не надо бороться, потому что она, якобы, всем выгодна, не выдерживает критики. Теперь обратимся к вопросу о том, кто конкретно и как должен с коррупцией бороться.

Вероятно, существует необходимость в создании коалиции – власти (администрации), бизнеса (в форме бизнес ассоциаций) и НГО, представляющих гражданское общество. По отдельности ни одна из этих сил не решит проблему коррупции. Одни – потому что и так хорошо, другие – потому что лучше стабильность, чем любые перемены, третьи – потому что не имеют реальных ресурсов. Только сотрудничество поможет изменить ситуацию. Одна из задач гражданского общества и его институтов в этой связи: «открыть глаза» двум другим силам на то, что коррупция им не выгодна. По крайней мере – в стратегической перспективе.

Действительно, задача - не из легких. Можно начать с аутотренинга: «Да, коррупция приносит сиюминутную пользу и прибыль. Да, бизнесмены, особенно малого и среднего уровня, готовы предпочесть выгоду в краткосрочной перспективе, стратегическим преимуществам. Да, чиновники, цинично озабоченные собственным кошельком и естественным образом озабоченные собственным финансовым положением в старости, могут предпочесть служению государству – личную выгоду. Но есть и стратегически мыслящие бизнесмены, стратегически мыслящие, «морально устойчивые» и разумные чиновники и политики. Задача гражданского общества – мобилизовать эти силы для изменения ситуации. Гражданское общество должно работать над созданием такой коалиции». Конечно, тяжело работать в коалиции с тем, кто, с одной стороны, демонстрирует «готовность к диалогу», а с другой, популярно объясняет, где будет твое место, если станешь задавать слишком много вопросов. Ну, а кто сказал, что будет легко?

Вторая задача: сформировать конкретные механизмы, которые позволили бы контролировать ситуацию с коррупцией и, как минимум, не допуская возникновения ее новых очагов. Сегодня в России распространено уже упоминавшееся мнение о том, что с коррупцией бороться невозможно потому, что возглавить борьбу должно государство в лице чиновников, которые и есть самые большие коррупционеры. Как говорится, в этом случае придется поручить волку пасти овец, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Позвольте, однако, напомнить известную детскую задачку на сообразительность: как перевезти с одного берега реки на другой козу, волка и капусту. Если помните, один из необходимых элементов решения задачи – присутствие «незаинтересованной третьей стороны» в лице человека-перевозчика, который не позволит волку съесть козу (а козе - капусту). Возвращаясь к нашей ситуации – функции «незаинтересованной» (т.е. не получающей прибыли от коррупции) стороны, с правом активного вмешательства в ситуацию, должно в нынешней России выполнять гражданское общество, в лице соответствующих институтов и посредством участия в той самой коалиции. Такая коалиция должна организовать «гражданскую экспертизу», т.е. активно привлекать независимых экспертов – для оценки законодательства, новых принимаемых законов, проведения принятых законов в жизнь на местах и т.д. Готовность бизнеса и властей участвовать в такой коалиции с ее целями и методами, предложенными институтами гражданского общества и независимыми экспертами, равно как и активная деятельность самих представителей гражданского общества по созданию и организации работы такой коалиции – необходимые условия движения в направлении предотвращения коррупции в России.

Говоря о конкретных механизмах предотвращения коррупции в современном российском обществе, следует упомянуть и о социальной рекламе, или, шире – о социальном PR. В 2003 году сотрудники Центра независимых социологических исследований провели исследование малого и среднего бизнеса и их отношений с представителями городской власти в Петербурге. Было сделано около тридцати интервью с бизнесменами. Какие-то выводы, сделанные нами по результатам предварительного анализа этих интервью не были для нас новостью (скажем, все, что связано со стремлением бизнесменов экономить издержки, с выгодой чиновников от коррупции и др.); какие-то – напротив, стали неожиданностью. К числу последних относится вывод о необходимости уделять большое внимание моральной и эмоциональной составляющим коррупционных отношений. Наши интервью показали, что при всей лояльности бизнесменов по отношению к коррупции, как части системы, элементу ведения бизнеса, как к неизбежному в нынешних условиях злу, они не готовы мириться с двумя вещами: с аморальностью наглых коррумпированных чиновников и с собственным унижением в ситуации общения с ними. Мы, соответственно, назвали первое – «моральной компонентой» коррупционных процессов, второе – «эмоциональной». Из этого мы сделали вывод о важности PR компании как составной части анти-коррупционных мер. Речь идет о социальном PR с анти-коррупционным содержанием. Упор на моральную и эмоциональную компоненты коррупционных отношений должны стать точками приложения значительных усилий в рамках такой PR компании. Надо рекламировать среди российских граждан отказ от восприятия коррупции как «нормального» явления. Семена анти-коррупционных установок среди граждан должны быть посеяны на благодатную почву. Неприязнь к циничным и аморальным коррумпированным чиновникам, наравне с чувством

унижения, которое человек испытывает при общении с такими чиновниками – примеры именно такой благодатной почвы. Господа, вам не надоело унижаться перед негодьями?

И последнее. Многие эксперты разделяют мнение о том, что одну из причин коррупции и масштабов ее распространения в России (потому что есть она везде, в том числе и в Северных странах, занимающих верхние позиции во всех рейтингах наименьшей коррумпированности) надо искать, прежде всего, в позиции общества по отношению к власти. В ситуации, когда общество не воздействует на власть, не ограничивает ее, у власти не остается других целей кроме как властвовать. Здесь, однако, мы упираемся еще в одну проблему. В нынешнем российском обществе нет конкретного представления о том, что есть общественное благо как цель, к которой общество должно стремиться. Между тем, речь об ограничении власти и корректировке ее действий может идти лишь при условии стремления к такой цели, признанной общественным благом. В советское время эту цель формулировали идеологи. Идеологию того времени можно и нужно критиковать, сформулированные в ней цели можно считать ложными. Но нельзя отрицать колоссальной значимости самого факта наличия такой цели, которую общество признавало бы достойной, и к которой стремились бы все (или почти все) члены общества вместе, и каждый – в отдельности. Сегодня в российском обществе такой цели нет. И это печально. И это одна из причин, порождающих коррупцию. Такой целью может стать, скажем, рост благосостояния граждан – вполне достойная цель. Можно сформулировать ее иначе. Но она должна быть, чтобы общество понимало, куда движется, чтобы оно доносило эту цель до каждого своего члена, чтобы оно подталкивало власть в сторону достижения этой цели. Тогда, вероятно, власть перестанет считать властвование самоцелью.

И опять оказывается, что президент эту проблему уже поднимал и как всегда блестяще продемонстрировал решимость в самое ближайшее время сформулировать новую российскую идеологию. И даже саму идеологию продемонстрировал. Ну и что с того, что она сильно напоминает очередное издание – чуть дополненное и слегка исправленное - теории «народности»? Ну, той самой, сформулированной господином Уваровым для Николая Первого(???), тоже искавшего цель, которая бы объединила общество. Вокруг него. Все новое – хорошо забытое старое, и кто сказал, что триединство власти, народа и Православной церкви – плохая версия общественного блага!? Хотя да, почему-то подавляющее большинство образованных и интеллигентных современников Уварова именно так и считали, но что с того...

С другой стороны, может быть, оставим президенту – «президентово», и сами тоже займемся делом? Потому что, как ни крути - президент свой ход сделал, чем ответит гражданское общество?

Олег Паченков

(Центр независимых социологических исследований (ЦНСИ, СПб))